

- ²⁷ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 11.
²⁸ Там же. Д. 796. Л. 96
²⁹ Там же. Д. 865. Л. 3об.
³⁰ Спецпереселенцы // Югра. 2003. № 4. С. 44.
³¹ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 1.
³² Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 148.
³³ ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 259. Л. 41.
³⁴ Там же. Л. 40.
³⁵ Серазетдинов Б. У. Югра в годы войны... С. 161–162.
³⁶ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 7–7 об.
³⁷ Там же л. 6.
³⁸ ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1 д. 878. Л. 3.
³⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 147.
⁴⁰ Там же. Д. 5. Л. 337; ГАОПОТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 878. Л. 2 об; ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 1.
⁴¹ ГАОПОТО. Ф. п-107. Оп. 1. Д. 878 л. 2 об.
⁴² Гилевич А. В. Воспоминания бывшего спецпереселенца: от Бесарабии до Тобольска // Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С. 456.
⁴³ Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 80.
⁴⁴ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60 л. 83.
⁴⁵ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 895. Л. 131.
⁴⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 4. Д. 231. Л. 40.
⁴⁷ Постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев // 40–50 годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) // История СССР. 1992. № 1. С. 125–126.
⁴⁸ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 4.
⁴⁹ Там же. Л. 10 об.
⁵⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 58. Л. 63 об.
⁵¹ Там же. Оп. 4. Д. 60. Л. 82.

Р. Е. Романов

**Производственная социализация рабочей молодежи
оборонной промышленности в Западной Сибири
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)**

Изучение производственной социализации молодого поколения рабочих оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны является одной из актуальных и новых проблем. В последние полтора десятилетия историки получили доступ к архивным фондам, где хранятся документы о возникновении и деятельности военных заводов. В научный оборот были введены новые источники, отражающие сведения о комплектовании кадров, численности, составе, про-

изводственном обучении, труде и быте молодых рабочих промышленности. После отказа от классового подхода в отечественной социальной истории, рабочая молодежь рассматривается в качестве отдельного объекта изучения. Под влиянием этих двух тенденций – расширения источниковой базы и изменения теоретико-методологических подходов – в поле зрения исследователей оказались новые проблемы ее формирования и развития, в том числе и подростково-юношеская социализация в сфере оборонного производства в годы Великой Отечественной войны.

Объектом изучения в данной статье является рабочая молодежь оборонной промышленности, предметом – ее производственная социализация. Понятие «производственная социализация» определяется как процесс формирования профессионального опыта молодых рабочих в ходе воспроизводства и преобразования ими технологии машинного производства, обусловленного влиянием различных социокультурных факторов.

Начальным этапом социализации молодежи в сфере военно-промышленного производства являлась ее интеграция в трудовые коллективы оборонных предприятий. В данном случае социализирующие влияние на подростков и молодых людей, прежде всего, оказывали формы комплектования молодежных рабочих кадров – вольный найм, трудовая мобилизация на заводы и в учебные заведения гострудрезервов (оргнабор). Добровольное поступление юношей и девушек на предприятия обуславливалось чувством личного долга перед Отечеством, семьей, родственниками, отдавшими свои жизни в борьбе с врагом, стремлением заменить у станка ушедших на фронт отцов и братьев. Оргнабор неработающего населения, в частности, мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, женщин – от 16 до 45 лет, требовал от подростков и молодых людей принятия социальной ответственности, часто не связанной с их личными мотивами. В отдельных случаях это обстоятельство вызывало негативную реакцию молодежи. В городах во время кампаний по трудовой мобилизации учащиеся в массовом порядке прекращали посещать школы. Родители, получив повестки о призыве, не отпускали своих детей на пункты сбора мобилизованных, не давали им документы и т.д.¹

После поступления молодежи на предприятия и в учебные заведения гострудрезервов начиналось ее производственное обучение. Прибывавшие на заводы подростки и молодые люди в течение первых двух недель проверялись на пригодность к выбранной им профессии. Затем ученики по отдельности или группами прикреплялись к высококвалифицированным рабочим или мастерам. В качестве организационных форм профессиональной подготовки использовались индивидуально-бригадное обучение, стахановские школы, курсы техминимума. В апреле 1942 г. в Новосибирске на заводе № 350 индивидуально-бригадным ме-

тодом обучался 171 чел, в 60 стахановских школах – 83, в 25 кружках техминимума – 166 чел.

В ремесленных училищах и школах ФЗО контингент мобилизованной молодежи распределялся по учебно-производственным группам в зависимости от специальности. В РУ № 17, размещенном на базе завода № 590, на 1 марта 1943 г. в 4 группах токарей числилось 83 чел, 4 группах фрезеровщиков – 87, 5 группах слесарей-инструментальщиков – 123, группе электромонтеров – 22, радиосборщиков – 28, столяров – 21, химиков – 34, автоматчиков – 15 чел. В мастерских училища профессиональную подготовку проходили 222 чел., в цехах завода № 590 – 107, № 350 – 12, № 230 – 15, № 759 – 52 чел.²

В начальный период войны для быстрого восполнения кадровых потерь, понесенных промышленностью в результате массовой мобилизации мужчин в действующую армию, сроки производственного обучения новых рабочих в ремесленных училищах сократились с 2-х лет до 1 года, в школах ФЗО – от 6 до 3 месяцев. На предприятиях в зависимости от специальности их подготовка продолжалась от двух недель до 3 месяцев. Сокращение продолжительности обучения способствовало изменению его задач, содержания и методики. В условиях интенсивного притока на военные заводы неквалифицированной рабочей силы ученики должны были за короткое время освоить выполнение узких производственных операций непосредственно у станка без опоры на теоретические знания. В августе 1942 г. инженер Лосьев, работавший на одном из промышленных предприятий Кузбасса, в письме к трудящимся Новосибирска отмечал, что в подготовке молодежных рабочих кадров решающую роль играл «наглядный метод». Ученики сначала наблюдали за тем, как рабочие налаживают станки, используют инструмент, устанавливают и обрабатывают детали. Затем они приступали к самостоятельной работе под контролем своих «наставников».

Благодаря исключению теории из учебных программ и ориентации обучения исключительно на производственную практику в течение второго полугодия 1941–1942 гг. на оборонных предприятиях удалось подготовить многочисленный контингент молодых рабочих. На заводе № 617 с января по сентябрь 1942 г. квалификацию получили около 1000 чел. При этом курс техминимума, где ученики получали теоретические знания, прошли лишь 150 чел.³

В конце 1942 г. на оборонных предприятиях и в учебных заведениях трудрезервов началось постепенное восстановление теоретической подготовки в сочетании с производственной практикой, нацеленной на расширение содержания и совершенствование методики обучения. В данный период на заводе № 153 им. В.П. Чкалова учащиеся школ ФЗО № 4 и 27 после 6-ти часовой рабочей смены ежедневно по 3 часа посещали занятия по спецтехнологии. В 1944 г. в РУ № 2 преподавание теорети-

ческих дисциплин велось в 33 из 48 учебно-производственных групп. Программа по черчению осваивалась в 18 группах, по физике – 12, по математике – 19, общей технологии – 10 группах.

В конце войны модель производственной подготовки рабочей молодежи, предполагавшей взаимодействие теории и практики, складывается и на оборонных предприятиях. В первом полугодии 1944 г. на одном из военных заводов в течение первых 8–10 дней обучения высококвалифицированные рабочие прививали ученикам навыки заточки инструмента, смазки деталей станка, использования шкалы на суппорте. Через две недели после начала курса подготовки подростки и молодые люди на занятиях по техминимуму учились читать чертежи и знакомились с устройством станка, а затем закрепляли полученные знания на практике. К исходу первого месяца обучения они уже самостоятельно эксплуатировали оборудование – смазывали станок, заливали охлаждающую жидкость, переставляли шестерни, пользовались мерительным инструментом, устанавливали и затачивали детали.⁴

В годы Великой Отечественной войны на военных заводах и в учебных заведениях гострудрезервов были подготовлены десятки тысяч молодых рабочих. В данный период ремесленные училища и школы ФЗО Новосибирской области выпустили 62 200 чел, Кемеровской – 66 500, Томской – 12 100 чел. Во втором полугодии 1941 – 1943 г. на 24 заводах Новосибирской области стахановцы различным специальностям обучили 41 206 чел. Всего по 8 предприятиям Новосибирска к началу 1943 г. квалификацию слесаря получили 2715 чел, токаря – 915, контролера – 737, столяра – 731, револьверщика – 592, станочника – 568, фрезеровщика – 344 чел.⁵

Ускоренные темпы производственного обучения, способствовали тому, что молодые рабочие, получавшие после сдачи экзамена на специальность 3 разряд, в реальности имели более низкую квалификацию. В связи с этим, многие из них не выполняли установленные нормы выработки. В конце 1942 г. в Томске на заводе № 690 только в цехе № 57 производственные задания не выполнили 111 чел. В данный период в Кемерово на комбинате № 392 численность данной категории рабочей молодежи составила 147 чел.

Следовательно, после окончания базового обучения задачей социализации молодого поколения трудящихся в системе оборонного производства являлось повышение уровня ее квалификации, а механизмом – дополнительная подготовка с целью совершенствования приобретенных ранее технических знаний и навыков. В качестве ее организационных форм использовались курсы техминимума, стахановские школы, комсомольско-молодежные бригады, шефство стахановцев над рабочей молодежью. В стахановских школах происходил обмен производственным опытом между зрелым и молодым поколением трудящихся, в бригадах –

между комсомольцами-передовиками и «отстающими» молодыми рабочими. На курсах техминимума последние повышали квалификацию за счет приобретения новых знаний о чтении чертежей, установке и заточке деталей, эксплуатации оборудования и т. д. Данные мероприятия способствовали росту их производительности труда. Например, 10 марта 1943 г. на заводе № 188 пять рабочих-подростков выполнили нормы от 60 до 91%. После десятидневного курса дополнительной подготовки в стахановской школе они стали выполнять нормы от 110 до 147%⁶.

Повышение производительности труда молодого поколения трудящихся являлось фактором изменения сущности подростково-юношеской социализации в сфере военно-промышленного производства. Базовое производственное обучение и последующие мероприятия по повышению квалификации молодых рабочих служили механизмами ее адаптации к индустриальному труду. После освоения опыта работы стахановцев, рационализируя технологические процессы, подростки и молодые люди добивались перевыполнения норм выработки. Например, в Новосибирске на заводе № 153 в апреле 1942 г. два молодых рабочих – Нечай и Афонькин, стали тысячниками. Секретом успеха стала их совместная работа на одном станке. Один рабочий выполнял шлифовку деталей, другой – готовил их обработке. Кроме того, молодые новаторы увеличили число оборотов на станке, что также способствовало росту производительности труда⁷.

Профессиональная самореализация рабочей молодежи оборонных предприятий являлась завершающей стадией ее производственной социализации. На данном этапе значительному перевыполнению норм выработки способствовали уплотнение рабочего дня, методичность выполнения отдельных операций, механизация труда, взаимный обмен профессиональным опытом. Благодаря этим факторам, молодые рабочие добивались производственных рекордов и становились стахановцами военного времени.

Таким образом, подростково-юношеская социализация в сфере оборонного производства в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны включала, с одной стороны, процесс адаптации молодежи к индустриальному труду через систему обучения техническим знаниям и навыкам, с другой – ее профессиональной самореализации в ходе самостоятельной трудовой деятельности.

¹ ГАНО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 291. Л. 3.

² Там же. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1087. Л. 1; Д. 1360. Л. 1.

³ Советская Сибирь № 200. 13 августа 1942 г.; ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 957. Л. 9.

⁴ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 951. Л. 32; Советская Сибирь. № 65. 1 апреля 1944 г.

⁵ ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 706. Л. 79; Д. 952. Л. 32.

⁶ ГАТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 121. Л. 10; ГАКемО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 65. ГАНО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 076. Л. 79.

⁷ Советская Сибирь. № 71. 8 апреля 1942 г.

В. П. Клюева

Религиозное сообщество в Тюменском крае: стратегия выживания (1940–1960-е годы)

В конце 30-х – начале 40-х гг. антирелигиозная политика, проводимая Советской властью, привела к значительной трансформации религиозной жизни, маргинализируя и загоняя ее в подполье. При этом верующие пытались приспособиться к окружающей действительности, стараясь различными способами минимизировать тот вред, которое государство наносило их духовной жизни.

Во время войны отношение советского государства к религиозным организациям начало меняться. Конечно же, это не означало отхода от довлеющих в стране атеистических принципов. Но де-факто в военные годы религиозная жизнь стала оживляться. С молчаливого согласия правительства даже в центральной прессе появляются публикации о патриотической деятельности различных конфессий.

В 1943 г. Совнарком СССР принял постановление об образовании Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ). Этот орган становился частью системы центральных государственных учреждений страны и относился к непосредственному ведению Правительства СССР. Год спустя, в 1944 г., создается Совет по делам религиозных культов, к ведению которого были отнесены все остальные конфессии и деноминации¹.

Религиозное сообщество Тюменской области в 1940-е и последующие годы было представлено различными конфессиями и деноминациями: христианские (православные, старообрядческие, протестантские, католические), мусульманские и иудейские религиозные общины.

Для верующих людей послевоенные годы были трудным периодом. И трудности были связаны не столько с духовными поисками (число верующих, несмотря на все препоны, медленно, но неуклонно возрастало), сколько с попытками легитимации собственных деноминаций. С конца 1920-х гг. многие верующие и их духовные лидеры находились на нелегальном положении, жили под постоянной угрозой ареста. Возможность получить регистрацию была особенно важна для протестантских групп, воспринимавшихся в обществе как секты.

В 1944 г. был учрежден Всесоюзный Совет Евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ)². Несмотря на название, ограничивающее число участников Совета, предполагалось, что ВСЕХБ объединит разные протес-